

С. Е. ДЕСНИЦКІЙ

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ПРОФЕССОРЪ ПРАВА

И. М. Коркунова.

Из Журнала Министерскаго Юстиціи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Правительственнаго Сената.
1894

Печатано съ разрѣшенія Министра Юстиціи.

С. К. ДЕСНИЦКІЙ

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ПРОФЕССОРЪ ПРАВА

(Рѣчь въ годовомъ собраніи ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА 13 НОЯБРА 1894).

Н. М. Коркунова.

Задача ученаго общества въ томъ, чтобы соединять разрозненныя силы людей какъ-либо причастныхъ научному знанію и научной мысли. Живой обмѣнъ мыслей лучше всего содѣйствуетъ общей работѣ выясненія научной истины. Но эта общая работа не есть дѣло только наличнаго поколѣнія. Работа современниковъ опирается и зиждется на полученномъ нами наслѣдіи прошлаго. То, чѣмъ мы владѣемъ и пользуемся, создано совокупною дѣятельностью длиннаго ряда поколѣній. Чтобы съ увѣренностью идти впередъ, надо ясно представлять себѣ весь путь, пройденный до насъ.

Поэтому ученое общество, сознающее свою задачу единенія научныхъ силъ, не можетъ не заботиться о поддержаніи возможно живой связи настоящаго съ прошлымъ, о сохраненіи въ возможной неприкосновенности памяти о преніихъ дѣятеляхъ науки. Надо иногда отъ обсужденія очередныхъ вопросовъ текущей современности обращаться и къ прошлому, оглядываться на то, что сдѣлано до насъ. Только понимая свое малое дѣло частью одинаго великаго дѣла научной мысли человѣчества, можно найти нравственное удовлетвореніе въ томъ немногомъ, что намъ самимъ удастся сдѣлать.

Позвольте же, милостивые государи, занять сегодня Ваше внимание речью о первом русском, съ университетской кафедры учившем праву. Едва ли многим из собравшихся здесь известно имя первого русского юриста-профессора, имя Десницкого. А между темъ отъ времени его деятельности насъ отдѣляютъ всего какихъ-нибудь сто лѣтъ. Но въ нашей горячѣй жизни мы очень скоро забываемъ прошлое и прожитое быстро превращается для насъ въ забытую, съдую старину.

Не только научная разработка, но даже самое изучение права явилось на Руси сравнительно очень недавно. До Петра Великого въ русскихъ училищахъ не преподавалось не только собственно науки права, но даже и этики. Такъ, въ гетевоглянской коллегіи преподавание философіи обнимало собою логику, физику и метафизику; этики въ программу не включалось. Изъ сохранившагося конспекта курса философіи, читаннаго въ восьмидесятихъ годахъ XVII вѣка Іосифомъ Кроповскимъ, видно, что онъ обходился совершеннымъ молчаніемъ въ этичскіе вопросы ¹⁾.

Въ грамотѣ, данной въ 1682 году греко-славянской академіи царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ, предназначалось, правда, преподавать между прочимъ и „ученіе правосудія духовнаго и мірскаго“ ²⁾, но предписаніе это осталось невыполненнымъ ³⁾.

Первое указаніе на дѣйствительное преподаваніе у насъ этики и политики относится къ училищу, открытому въ Москвѣ въ 1703 году и вѣстному подъ именемъ „Паришвинскаго“ ⁴⁾. Основателемъ и директоромъ его былъ Эрнестъ Глюкъ, „лифляндскій препозитъ, нивѣ волоняникъ“ и нѣкто Іоаннъ Рейхмутъ училъ въ немъ „изъ философіи дѣятельныя этику и политику“.

¹⁾ Макарій Будановъ, Исторія Бѣнской Академіи. Спб. 1843, стр. 66. 67.

²⁾ Дробица Росс. Визлѣнка. Т. VI, стр. 397. Смирновъ: Исторія Московской Академіи, Спб. 1855, стр. 12.

³⁾ Станиславскій, О ходѣ законодѣнія въ Россіи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1853, т. LXXX, стр. 25.

⁴⁾ Потому что оно похвалялось въ домѣ умершаго уже тогда боярина Василія Федоровича Паришвина. Владимірскаго-Буданова, Государство и народное образованіе, I. Стр. 275—282.

Но учившице это просуществовало всего двѣнадцать лѣтъ. Въ 1715 году оно уже было закрыто ⁵⁾.

Съ этого же времени и правительствомъ принимается первыя мѣры къ установленію преподаванія у насъ собственного правовѣдѣнія, сначала съ исключительно практической цѣлью. Еще въ 1716 году было прислано „для науки аудиторскихъ дѣлъ взять въ военную коллегію изъ шляхетскихъ незрелыхъ двадцать человекъ добрыхъ и молодыхъ, грамотъ и писать умѣющихъ. Нашлось, однако, всего семь человекъ, да и тѣ въ аудиторскому дѣлу оказались негодны за малодѣтствомъ. По вторичному вызову было выбрано одинъ Машинскій, но и тотъ былъ слабъ въ арифметикѣ“ ⁶⁾. Затѣмъ, въ Генеральномъ регламентѣ (глава 36) предписывалось при всѣхъ вообще коллегіяхъ учредить коллегіи-консервы для практическаго обученія праву. Дальнѣйшее развитіе это постановленіе нашло себѣ въ герольдмейстерской инструкціи 1722 года и въ табели о рангахъ. Въ герольдмейстерской инструкціи предписывалось учредить „краткую школу для изученія гражданскихъ и экономическихъ дѣлъ“ ⁷⁾, а Табель о рангахъ даетъ болѣе точное опредѣленіе состава этого обученія: „а именно: что касается до праваго суда, также торгамъ вѣнскимъ и внутреннимъ, въ прибыли Имперіи и экономіи“; словомъ—посылаетъ Табель—„что коллегіямъ правленіякъ поддежить“ ⁸⁾.

Теоретическое преподаваніе правовѣдѣнія введено было у насъ раньше всего въ академіи наукъ ⁹⁾ и затѣмъ въ кадетскомъ корпусѣ ⁶⁾. Преподаватели были нѣмцы: въ академіи—

⁵⁾ Исторскій, Наука и литература при Петрѣ I. Т. I, стр. 126—132. Гавриилъ-Камисскій, Словарь, II, стр. 33.

⁶⁾ Русскій, Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи. Стр. 174.

⁷⁾ П. С. З. № 3896.

⁸⁾ П. С. З. № 3890.

⁹⁾ Академія наукъ сначала предназначалась быть учрежденіемъ не только ученикъ, но и учителей. Академія имѣла быть школою. Въ числѣ желающихъ на уставу университетскихъ классовъ значилась и кандидатура преподавателей.

⁶⁾ При учрежденіи въ 1731 г. кадетскаго корпуса, ему была придана акромеръ общеобразовательнаго заведенія. „Помимо не каждаго члена въ припадъ къ одному военному сословію, тако жъ и въ государствѣ не меньше нужно соединенное и

Беденштейль, Гросс, Штрубе де-Пирмонтъ ¹⁾, въ корпусъ—Флягъ ²⁾. Да и самое преподаваніе было совершенно чуждо русской жизни. Обучали естественному праву, праву римскому, даже феодальному ³⁾, но только не русскому. При такихъ условіяхъ понятно, что русская молодежь того времени не обнаруживала интереса къ изученію права. Въ 1733 г. изъ 247 русскихъ кадетовъ только 11 учились юриспруденціи, и Сенату въ 1740 году пришлось предписать, чтобы право изучали обязательно по крайней мѣрѣ 24 кадета ⁴⁾. И дѣятельность академическихъ профессоровъ прошла почти вовсе безслѣдно. О ней такъ скоро забыли, что уже Невольинъ думать, что кафедр юриспруденціи въ академіи никогда никѣмъ не была занята ⁵⁾.

Единственный воспитанникъ академическаго университета, имѣющій значеніе въ исторіи русскаго правовѣдѣнія, это Алексѣй Ивановичъ Погѣновъ (1738—1816). По окончаніи курса въ академіи его послали за границу, въ Страсбургъ, откуда онъ по собственному желанію перешелъ въ Геттингенъ, въ будущій центр исторической школы. Любопытно, что онъ уже въ то время, еще до появленія работъ Густава Гуго, придавалъ особое значеніе историческому изученію и потому большую часть своего заграничнаго пребыванія посвящалъ занятіямъ по исторіи. Это вызвало на него нареканія академическаго собранія, находившаго въ этомъ самовольное уклоненіе

гражданское обученіе; того ради имѣть при томъ учителей чужестранныхъ языковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи, танцованія, музыки и прочихъ полезныхъ наукъ". *Мельничій*, Сборникъ свѣдѣній о воен. уч. зав., I, стр. 9.

¹⁾ *Покорскій*, Исторія Академіи Наукъ, I, стр. 197—210; стр. 213—235; стр. 671—689.

²⁾ *Владимірскаго-Буданова*, Государство и народное образованіе, I, стр. 182. *Соловьевъ*, Исторія Россіи. Т. XXII, стр. 332.

³⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи. Т. XX, стр. 474, приводитъ сохранившіеся въ архивѣ Министрства Юстиціи любопытный аттестатъ 1739 года кадета Мавруса Фоки. Относительно юридическихъ предметовъ въ немъ значится: „философія, всѣхъ натуръ, институціонъ истиннаго, пандектумъ и всѣхъ феудале; въ философіи Гейлекція элемента, всѣхъ секундумъ органъ пандектормъ до 41 книги дошоль“.

⁴⁾ *Владимірскаго-Буданова*, стр. 139. *Чтеніе Общ. Ист. и Древн. Росс.* 1802, I, стр. 172.

⁵⁾ *Энциклопедія*, II, § 1028. Съ его словъ повторять это и *Станиславскій*, стр. 27.

ніе отъ указанной ему задачи изучать право. Сохранился любопытный отзывъ Погѣнова, въ которомъ онъ разъясняетъ академикамъ необходимость для юрисконсульта историческаго образованія, ссылался въ доказательство на представителя той гуманистическаго направленія, Альцата, Куація, а голландской школы Бингерстуга, Скелтинга и др.

При посылкѣ Погѣнова за границу имѣлось въ виду приготовить его къ замѣщенію въ Академіи кафедры правовѣдѣнія. Но отношенія, въ какія онъ всталъ благодаря своему рѣзкому отъѣзду къ академическому собранію, и въ особенности интриги, царившія тогда въ Академіи, сдѣлали то, что онъ по возвращеніи получилъ только мѣсто переводчика; видя, что ему ничего лучшаго не дождаться, онъ перешелъ въ 1771 году на службу въ Сенатъ.

Литературная дѣятельность Погѣнова выразилась въ несколькихъ переводахъ и въ разсужденіи на заданную возмнѣмъ экономическимъ обществомъ въ 1766 году тему: „Что полезнѣе для государства, чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или только движимое имѣніе и съоль далеко на то и другое его право простирается?“. Разсужденіе Погѣнова, представлявшее рѣзкое осужденіе крѣпостнаго права, въ которыхы признано лучшимъ. Но другіе, „разсмотрѣ снержъ матерій и самый слогъ, находили въ ономъ многія надѣры сильныя и по здѣвшему состояноу неприличныя выраженія“. Поэтому, хотя автору и дана золотая медаль, но разсужденіе признано къ печатанію неудобнымъ ¹⁾.

Академическая карьера Погѣнова, благодаря его неладкамъ съ академіей, не устроилась и на кафедрѣ правовѣдѣнія въ академіи до самаго ея упраздненія не появилось ни одного русскаго ученаго.

Первые русскіе профессора права появляются уже въ московскомъ университетѣ. Если академическій университетъ былъ первымъ университетомъ въ Россіи, первымъ дѣйствительно русскимъ университетомъ былъ бесспорно московскій.

¹⁾ Смотри о немъ статью Д. В. Погѣнова, А. И. Погѣнова, русскій заморѣждъ XVIII вѣка. Русскій Архивъ за 1865 годъ, стр. 445—470 и 703—736. Тамъ же, въ № 3 напечатано и разсужденіе Погѣнова.

Сначала профессора — юристы в туль были иными: Дилей Лангер, Шаден. Но и в туль живи сближаются русскими, московскими же студентами. Не больше как чрез двенадцать лѣтъ послѣ открытія университета на юридическомъ факультетѣ появляются уже два русскихъ профессора Десницій и Третьяковъ.

Третьяковъ ¹⁾ читалъ въ университетѣ очень недолго — всего семь лѣтъ, и лекціи его повидимому не оставляли послѣ себя скольконибудь замѣтнаго слѣда. Ничего также неизвѣстно и объ ученикахъ его, которые чѣмъ-либо выдвинулись на научномъ поприщѣ.

Гораздо большее значеніе въ исторіи русскаго правовѣдѣнія имѣеть сверстникъ и товарищъ Третьякова *Семенъ Ефимовичъ Десницкій*, котораго по всей справедливости и должно признать первымъ русскимъ профессоромъ права. Онъ первый сталъ читать порусски и притомъ русское право, и лекціи его имѣли огромное вліяніе на слушателей. Съ благодарностью, почти съ благоговѣніемъ вспоминаеть о немъ, какъ о своемъ учителѣ, Горюшвинъ. Именно подъ вліяніемъ лекціи Десницкаго создалъ онъ «суету одного практическаго изученія юриспруденціи» ²⁾. Еще въ тридцатыхъ годахъ жила была въ университетскихъ предѣлахъ слава Десницкаго. «Ему недостовало, говорить Морозкинъ, только читателей и иностраннаго имени для занятія мѣста близъ Монпелье съ Блакстопами, Поте и другими знаменитыми юристами прошедшаго вѣка» ³⁾.

Годъ рожденія Десницкаго ⁴⁾ неизвѣстенъ. Первоначально

¹⁾ Иванъ Андреевичъ, воспитанникъ тверской семинаріи. Вышелъ съ Десницкимъ былъ посланъ въ Галговы. Въ московскихъ университетѣ читалъ институты в исторію римскаго права. Отъ него остались три рѣчи: 1) О провозглашеніи и учрежденіи университетовъ въ Европѣ, читана въ 1768 г., апрѣля 22. 2) О римскомъ правленіи и разликъ оного времѣнахъ, 1769 г., іюля 30 и 3) О вричтіяхъ необіи и медетельнаго обогащенія государствъ, 1772 года, іюня 30. Скончался Т. въ 1779 году.

²⁾ Руководство къ познанію російскаго законоустройства. 1811—1816 гг. Т. I. Вступительная лекція.

³⁾ Ученія Зависки Моск. универс. 1834 г. т. III, стр. 227.

⁴⁾ Біографіи его имѣются: 1) въ первой части Рѣчей, произнесенныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ Императорскаго Московскаго университета русскими

образованіе получить оны въ тринадцатилѣтн, а въ 1759 году принять въ число студентовъ московскаго университета.

По уставу, къ то время существовавшему на юридическомъ факультетѣ три профессора: юриспруденціи вообще, юриспруденціи російской и политики. Это распределеніе было принято согласно мнѣнію Ломоносова. По его предположенію, профессоръ юриспруденціи вообще учить долженъ натурализма и пародіи права, также уваженія Римской древней и новой Имперіи. Профессоръ юриспруденціи Російской, кромя вышеписанныхъ, долженъ знать и преподавать внутреннія государственныя права*. И наконецъ, профессоръ политики долженъ показывать взаимныя повѣнія, союзы и поступки государствъ и государей между собою, какъ были въ прошедшіе вѣки и какъ состоятъ въ нынѣшнее время*. Исторіографъ Миллеръ предлагалъ нѣсколько иное распределеніе также между тремя профессорами: 1) jus naturae et gentium; 2) jus commune privatum et publicum и 3) jus Rossieum et praxis juridica*. Политика у Миллера отсутствовала. Такимъ образомъ соединеніе политическихъ наукъ съ юридическими, составляющее характерную особенность нашего юридическаго образованія, введено въ нашихъ университетахъ по мысли истинно русскаго ученаго Ломоносова.

По время студенчества Десницкаго весь юридическій факультетъ состоялъ всего на всего изъ одного только профессора Филиппа Генриха Дилейта ¹⁾. Вольфианецъ Шаденъ, хотя и былъ профессоромъ съ самаго открытія университета, но принадлежалъ сначала къ философскому факультету и только съ 1778 г. сталъ читать на юридическомъ факультетѣ естественное право, государственное право и политику. «Названный», какъ его называетъ Морозкинъ, Лангеръ, послѣдователь Локка, былъ приглашенъ въ университетъ только въ 1764 г., когда Десницкій уже окончилъ курсъ и былъ заграничѣй.

профессорами оного, съ краткими ихъ жизнеописаніями. Изданъ Общественн. кабинетомъ Російской словесности. М. 1819, стр. 209, 2) Въ біографическомъ словарѣ профессоровъ московскаго университета (статья С. Барсова). 3) Въ исторіи Російской Академіи М. И. Сухомлинова, к. 5 (примеч. къ XXXVIII т. Зависко) 1880, стр. 3.

¹⁾ Родомъ виродецъ, докторъ философіи университета. Профессоромъ въ Москвѣ съ 1756 г. до своей смерти въ 1781 году.

Таким образом Дильтей был единственным руководителем Десницкого в его первоначальных занятиях правом. Правда, это был очень деятельный и даровитый профессор. Из учеников его многие заведя себя в юридической литературе. Таковы кроме Десницкого: Третьяков, Артемьев ¹⁾, Рогов ²⁾, Ворон ³⁾, Золотницкий. Кроме обязательных лекций на латинском языке, Дильтей читал для желающих публичные лекции на четырех языках: латинском, итальянском, французском и немецком; устраивал студенческие диспуты и, что было особенно важно, раньше других профессоров немцев научился русскому языку. Это дало ему возможность ознакомиться несколько с русским законодательством. Он возбуждал в университетской конференции вопрос о необходимости распределения русских законов в систему, для чего просил дать ему несколько студентов. В 1768 году он издал даже „Начальные основания вексельного права, а особливо российского купно со шведским“. Книга эта составлена по Гейнекцию и в большей части представляет даже прямо перевод. Дильтей объясняет это в предисловии нежеланием чужое выдавать за свое и перефразировкой скрывать свой источник. Относительно русского права он руководствовался указаниями князя Дм. Павл. Цицианова, учившегося праву в кадетском корпусе, „мужа в российской юриспруденции пренескунаго“. Книга эта имела весьма большой успех и выдержала до 1801 года шесть изданий. Морозов пишет, что „класс дельных людей, увлекшись порядком и полнотою изложения, принял его за руководство в правянии и перфидно забывал видеть в нем произведение частного человека“. Сь

¹⁾ Алексей Артемьевич, бывший экзаменатором университета, в 1777 г. издал „Краткое изъяснение римских и российских прав, съ показанием купно обоимъ равномерно какъ и чиноположенія оныхъ исторій“. Митрополитъ Евсей говорит, что сочинение это выбрано изъ лекцій Дильтея. Словарь русск. исл. I, стр. 6.

²⁾ Андрей Петрович (1742—1811) съ 1804 г. преподавалъ въ университетѣ вексельное право.

³⁾ Вместе съ Артемьевымъ перевелъ на русский языкъ Вексельное право Дильтея.

1772 г. Дильтей началъ даже чтение исторіи русскаго законодательства.

Все это указываетъ на большую отзывчивость Дильтея, но надо вместе съ этимъ сказать, что все это относится уже къ позднему времени. Во время же студенчества Десницкаго главнымъ предметомъ чтеній Дильтея было естественное право, въ изложении котораго онъ слѣдовалъ Пуффендорфу и Неттельбладту.

Такимъ образомъ, въ университетѣ Десницкому пришлось вращаться въ томъ же кругуъ понятій, какия онъ видалъ, конечно, и изъ духовной академіи. И тутъ, и тамъ учителя его не пошли дальше Пуффендорфа и Вольфа. Въ академіи—Баумейстеръ, въ университетѣ—Неттельбладтъ—вотъ та узкая пища, на которой воспитался праотецъ русской юридической профессуры.

Въ университетѣ Десницкій оставался недолго. Уже въ 1761 году онъ былъ посланъ академіей наукъ вместе съ Третьяковымъ за границу, но не къ немцамъ, а въ Шотландію, въ Глазговъ, гдѣ тогда катедру нравственной философіи занималъ Адамъ Смитъ.

Академическое начальство, посылая за границу Третьякова и Десницкаго, повидимому находило, что для одной юриспруденціи не стоило ѣздить такъ далеко и вмѣстѣ имъ въ обязанность изучать сверхъ того еще медицину и математику. Но въ дѣйствительности они изучили науку одного юридического факультета и получили сначала степень магистра свободныхъ наукъ, а потомъ и доктора правъ—*doctor legis*.

Въ Москву они вернулись въ 1767 году, въ тотъ самый годъ, когда Комиссія объ узакненіи начинала тамъ свои работы, когда, по выраженію Десницкаго, „Российская монархія и послѣднее изъ подданныхъ, Самодѣя, представляла участникамъ быть въ законодательной власти“. Университетская конференція потребовала отъ нихъ сдачи испытанія какъ изъ юриспруденціи, такъ и изъ математики. Юридическій экзаменъ прошелъ благополучно. Онъ происходилъ 13 августа въ присутствіи оберъ-секретаря третьяго департамента Сената Самуила Дена. Кроме того были приславы отъ Сената

особые письменные вопросы. Они были изложены по-латыни и по-русски и относились къ русскому гражданскому праву о поручительствѣ, о даваніи вѣней на поддержаніе и т. п. Кромѣ того задавали вопросы профессора Дильтея и Лангера, а также Дея. Экзаменъ велся по-латыни. Дильтея задавъ между прочимъ такой вопросъ: *Equum conduxit pro die, teneo ultra hunc terminum, equus fulmine altera die occiditur, an restituere debeo?* Испытуемые отвѣчали отрицательно: *cedit enim Domino. Contrarium statuerant examinatores, quia conductor in culpa est.* Затѣмъ были прочтены пробныя лекціи. Десницкій читалъ по-латыни *De praescriptioibus*. И отвѣты, и лекціи признаны удовлетворительными. Но этимъ испытаніе еще не оканчивалось. Надо было экзаменоваться еще изъ математики. Третьяковъ явился на экзаменъ и обнаружилъ полное неумѣнье; Десницкій вовсе не сталъ экзаменоваться. Но повидимому университетская конференція пошла невозможность требовать отъ юристовъ знанія непременно и математики. Вопросъ этотъ былъ устраненъ и обоямъ имъ было поручено чтеніе лекцій: Третьякову исторія права естественнаго и римскаго, а Десницкому— римское право по Гейнэцію съ примѣненіемъ къ праву русскому.

Но тутъ возникъ вопросъ: на какомъ языкѣ читать имъ лекціи? До того времени всѣ обязательныя лекціи читались по-латыни и конференція настаивала на сохраненіи такого порядка и на будущее время. Но императрица Екатерина II рѣшила этотъ вопросъ иначе. Черезъ бывшего тогда въ Петербургѣ куратора университета Адамураго было получено высочайшее повелѣніе, „что въ университетахъ пристойнѣе читать лекціи на Русскомъ языкѣ, а особливо юриспруденцію“.

Въ отвѣдахъ Дильтея и Лангера объ экзаменѣ и пробныхъ чтеніяхъ преимущество было отдано Десницкому, и послѣдующей своей дѣятельностью онъ вполнѣ оправдалъ оказанное ему предпочтеніе.

Десницкій былъ прежде всего человѣкъ съ широкимъ общимъ образованіемъ. Онъ интересовался не одной юриспруденціей. Кромѣ права, онъ преподавалъ еще англійскій языкъ.

Онъ перевелъ Наставникъ земледѣльческой Томаша Боудена *) и есть предположеніе **, что Десницкому принадлежатъ помечатанный въ Омскѣ трудныи возданаго русскаго собранія педурной переводъ известнаго монолога Гамлета **).

Будучи членомъ русской академіи, онъ участвовалъ въ работахъ по составленію словаря, привлекая на себя выборку словъ изъ древнихъ законодательныхъ памятниковъ.

Профессорская дѣятельность Десницкаго продолжалась всего двадцать лѣтъ. Въ 1787 году онъ вышелъ изъ состава, а въ 1789 году 15 іюня скончался, только раньше своей глазковой учителя Адама Смита (*), (вн. 1790 год).

О томъ, какъ преподавалъ Десницкій и какіе взгляды проводилъ онъ въ своихъ лекціяхъ, мы можемъ судить только по его актовымъ рѣчамъ *) и примѣчаніямъ, какими онъ снабдилъ изданный имъ переводъ Блэкстона **). Таково оставленное имъ литературное наследіе.

Наслѣдіе это не велико. Но мы не должны прилагать къ оцѣнкѣ литературной дѣятельности Десницкаго нашей современной мѣрки. И въ это время, а еще долгое время послѣ него

*) Напечатанъ въ Москвѣ въ 1780 г. Переводу предохранили осканіе императрицы Палку Петровну, гдѣ сражалась Англія и Россія и предостереже, въ которомъ доказана важность нежабыя „раніе важной и, можно сказать, еще и первоначальной въ земледѣльческой художествъ значительна и во ряду политическому способъ къ благоудію славянскъ“. Въ заключеніе Д. предостереже помѣщеніемъ „внѣшатъ и фармера Адамаго, кому въ своемъ изданіи желаемое число десятинъ“.

*) *Писма*. Исторія русской этнографіи, I, 1890 г. стр. 92, 93, 94.

**) Изъ книгъ, или не книгъ, теперь рѣшиться нельзя.

Что есть достойнѣ велика душо:
Фортуны-въ злой спосылъ жестоко узору
Или вооружалъ противъ стремени блуд
Коведъ ихъ ускоритъ, окончатъ злобу, усурт
И тѣмъ все скорѣ прескы, котора смерныхъ душъ и т. д.

*) Онѣ напечатаны въ изданіи Общества любитъ Росс. словесности: Речи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ. Изд. московскаго университета русскихи профессорами онаго. Москва. Т. I, 1819 г. стр. 213—222; т. IV, 1823, стр. 295—298.

**) Извѣствованіе Атлантскихъ острововъ, Блэкстона, переведенно въ высочайшему повелѣнію великой императрицы Екатерины II съ примѣненіемъ атлантскаго, I, 1780. II, 1781. III, 1782. Переводъ не законченъ.

было совершенно обычным у нас явлением, что профессора, не оставившие почти никаких печатных произведений, профессора, имя которого в печати известно лишь по двум-трем рѣчамъ, тѣмъ не менѣе приобретали громкую и почетную известность, какъ крупный дѣятель на поприщѣ научной разработки права. Аудиторія такого печатавшася профессора перѣдо служила питомникомъ лучшихъ силъ среди нашихъ юристовъ теоретиковъ и практиковъ и чрезъ нихъ содѣйствовала и развитію права и его научной разработкѣ.

Это явленіе объясняется просто отсутствіемъ достаточнаго спроса на юридическія книги. Наши юристы и теперь читаютъ немного. Въ старину они читали, конечно, еще меньше. Поэтому тогда у профессорско-юристовъ и не могла быть внутренняго потребності издавать свои произведенія въ свѣтъ. Являлось какое-нибудь вѣншее побужденіе напечатать—они печатали. И многія изъ напечатанныхъ такимъ образомъ актовъ и диссертаций занимаютъ весьма видное мѣсто въ литературѣ. Не было такого побужденія, имя профессора не появлялось въ печати и только въ устномъ преданіи сохранилась и распространялась его слава.

Рѣчь Десницкаго во многихъ отношеніяхъ замѣчательный литературный памятникъ. Не говоря уже о выдающемся литературномъ талантѣ, обнаруженномъ въ нихъ, онѣ и по содержанию представляются въ высшей степени интересными. Въ нихъ ярко выступаетъ предъ нами духовный обликъ этого „полнаго науки и Англіи“¹⁾ русскаго юриста прошлаго столѣтія. Всѣ онѣ относятся ко времени отъ 1768 года, когда Десницкій началъ свою профессорскую дѣятельность, по 1781 годъ, когда онъ произнесъ свою послѣднюю публичную рѣчь о разныхъ понятіяхъ, какія имѣютъ народы о собственности имѣній.

Время произнесенія этихъ рѣчей—шестидесятые и семидесятые года прошлаго столѣтія—было, можно сказать, апогеемъ процвѣтанія отвлеченныхъ ученій естественнаго права. Обще-ственный договоръ Руссо былъ тогда еще свѣжѣе новинкой.

Историческая школа еще не выступала съ своей сокружительной критикой естественно-правовыхъ теорій. Пуффендорфа, Вольфа, Неттельблатта являлись непререкаемыми авторитетами. Такъ было на Западѣ, особенно въ Германіи, такъ было и въ той школѣ, какую Десницкій прошесть докъ. Въ думныхъ академіяхъ въ преподаваніи философіи схоластика тогда только что замѣнилась системой Баумейстера²⁾. Въ университетѣ, какъ мы уже видѣли, Дильтея преподавалъ по Вилкелю, Пуффендорфу, Неттельблатту. Все сложилось къ тому, чтобы и первые русскіе юристы, прошедшіе такую школу, прикнули къ тому же отвлеченному направленію, чуждому исторической почвѣ, чуждому живому пониманію дѣйствительности. Съ менѣе одаренными учениками Дильтея такъ и было, вѣрнѣе съ авторомъ первой русской юридической книги Владиміромъ Трофимовичемъ Золотницкимъ³⁾.

Годомъ позднѣе Десницкаго поступивъ изъ кievской духовной академіи въ студенты московскаго университета, Золотницкій уже въ университетѣ принималъ дѣятельное участіе въ издававшемся тогда при университетѣ подъ редакціей Хераскова „Полезномъ увеселеніи“ и въ изданіи профессора Рейхеля „Собраніе лучшихъ сочиненій“. Въ 1764 году, будучи преподавателемъ кадетскаго корпуса, онъ напечаталъ „Сокращеніе естественнаго права, выбранное изъ разныхъ авторовъ для пользы русскаго общества“, книгу, являющуюся перенечемъ русской юридической литературы.

Она напечатана всецѣло подъ вліаніемъ отвлеченныхъ ученій естественнаго права. Историческое пониманіе въ ней нѣтъ и слѣда. „Естественное право, по его опредѣленію, есть знаніе какъ натуральныхъ законовъ, въ первенствѣномъ, натуральномъ состояніи наблюдаемыхъ, такъ дѣйствій и случаемъ, относящихся къ онимъ“. Въ опредѣленіи основнаго начала

¹⁾ Съ 1762 года. *Максимъ Булаховъ*, *Исторія Киевской академіи*. Спб. 1843, стр. 146.

²⁾ Родился въ 1741 г. въ кievской губерніи, сынъ солдата. Сначала преподавателемъ въ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ переводчикомъ въ камеръ-юнкерн. Въ 1771 году перешелъ въ военную службу и кончилъ жизнь (когда?) возмужавшимъ дѣларовскаго шляхерскаго полка. См. Словарь митр. Евгения.

³⁾ Слова Морозкина.

естественнаго права Золотницкій оказывается эклектикомъ. „Нѣкоторые, говорить онъ, поставляютъ началомъ естественнаго права собственную пользу, другіе страхъ, схоластики справедливость и святость Божію, а другіи различныя начала вымыслили: но поспеже разсуждай о семъ пространно, никакого почти такого предложенія (изъ котораго всѣ натуральныя законы изъють свое основательное происхожденіе) найти не можно, то въ сокращенномъ смыслѣ предопредѣливши въ которое знаніе о Богѣ и о самомъ себѣ, можемъ, вмѣсто сего начала, въ естественномъ правѣ принять себѣ слѣдующее: *познавай себя*. Изъ сего троякаго натуральнаго человѣческаго долгаго могутъ произойти. Разсматривая прилежно сіе предложеніе, узнать скоро и легко можно, что мы не сами собою на себѣ свѣтъ произвели, но есть такое существо, которое на свѣтъ произвело, сохраняетъ насъ и управляетъ свѣтомъ. Здѣсь представится пророческій изъ сего законъ, который предлагаетъ намъ сію первую обязанность, чтобъ почитать Бога. Въ продолженіи сего предложенія отвергнется намъ второй законъ другой обязанности въ разсужденіи насъ самихъ, то есть, чтобъ сохранять себя и приводить всегда въ лучшее совершенство, поелику есмь созданіе всемогущаго Творца. Наконецъ, и третій законъ послѣдней обязанности узнаемъ, чтобъ почитать и любить общество, поелику мы одни безъ помощи другихъ въ свѣтѣ безопасно и безнуждно жить не можемъ“. Однако, чрезъ нѣсколько страницъ, вмѣсто этихъ трехъ,ставляется одинъ „первый натуральный законъ“, на которомъ всѣ прочіе основаны: „изъ многихъ дѣяній, состоящихъ въ твоей власти, избирай то, что полезнѣе и честнѣе“.

Живой умъ и богатая дарованія спасли Десницкаго отъ такого подчиненія отвлеченнымъ теоріямъ естественнаго права. Онъ прогнѣлъ ту же школу, что Золотницкій, но онъ не подчинился всецѣло запесенному къ намъ изъ Германіи кругу идей. Со всею чувствительностью русскаго ума пошелъ онъ на встрѣчу тому новому живому теченію, какое подмѣтилъ въ лекціяхъ своего Глазговскаго учителя, славнаго создателя науки народнаго хозяйства.

Десницкому пришлось недолго пользоваться руководствомъ

Адама Смита и притокомъ только въ началѣ своего пребыванія въ Глазговѣ. Десницкій поѣхалъ въ Глазговъ въ 1763 году, а въ февралѣ 1764 года Адамъ Смитъ уже бросилъ профессуру и отправился съ молодымъ герцогами Виллсборо въ Францію. Къ тому же, въ то время главнѣйшій трактатъ Адама Смита не былъ еще написанъ. Знаменитый трактатъ о богатствѣ народовъ явился лишь двѣнадцать лѣтъ спустя, въ 1776 году.

Тѣмъ не менѣе, лекціи Адама Смита не прошли для Десницкаго безслѣдно. Воспитанный Дильтеемъ на Винслерѣ и Неттелбладтѣ, онъ служилъ оказателю воспримчивымъ къ тому новому кругу идей, вакою раскрывали предъ нимъ лекціи Адама Смита. Въ рѣчахъ Десницкаго мы постоянно встречаемъ слѣды вліянія „господина Смита“, который правдоподобную философію къ великому удовольствію ученаго свѣта издалъ*.

Не слѣдуетъ однако думать, что рѣчи Десницкаго—простоа передача, слышаннаго имъ въ аудиторіяхъ Глазговскаго университета. Адамъ Смитъ уже тогда интересовался преимущественно вопросами народнаго хозяйства. Извѣстно, что уже въ пятидесятихъ годахъ въ своихъ лекціяхъ по нравственной философіи, которую онъ дѣлилъ на четыре части: естественное богословіе, этику, естественное право и политику, Адамъ Смитъ развивалъ основныя положенія своего экономическаго ученія¹⁾. Поэтому, если бы Десницкій только пересказывалъ въ своихъ рѣчахъ лекціи Адама Смита, на первомъ мѣстѣ въ нихъ должно бы оказалось изслѣдованіе развитія народнаго богатства. Такъ и случилось съ менѣе даровитымъ товарищемъ Десницкаго Третьяковимъ. Въ 1772 году—слѣдовательно за четыре года до появленія книги Адама Смита—онъ изложилъ нѣкоторыя основныя положенія его экономическаго ученія въ „Разсужденіи о причинѣ изобилія и медлительнаго обогащенія государствъ какъ у древнихъ, такъ и у нынѣшнихъ народовъ“²⁾.

¹⁾ Zeuss, Adam Smith und der Eigennutz, 1889, SS. 14—16.

²⁾ Въ своей рѣчи Третьяковъ излагаетъ ученіе о раздѣленіи труда даже съ теми самыми пояснительными примѣрами, какіе приведены въ „Богатствѣ народовъ“. Такъ напр., есть ли бы часовая мастеря или фабрикантъ послѣдствіемъ вѣдѣ, игамъ, одианъ собою все принадлежащее до совершенствѣ таковыя и подоб-

Изъ рѣчей Десницкаго, напротивъ, ни одна не посвящена прямо экономическимъ вопросамъ. Онъ не слѣдуетъ рабаки за своимъ учителемъ. Вопросы для изслѣдованія онъ выбираетъ самъ, которые ближе интересуютъ его, какъ юриста. Происхождение государственной власти и власти родительской, происхождение супружества, собственности, казней по дѣламъ криминальнымъ—таковъ кругъ вопросовъ, намѣченныхъ Десницкимъ для своихъ рѣчей. Это все не тѣ вопросы, съ научной разработкой которыхъ неразрывно связано имя Адама Смита. Въ выборѣ вопросовъ Десницкй, очевидно, былъ самостоятеленъ. По направленію, въ какомъ разрабатываетъ онъ эти вопросы, заимствовано имя безъ сомнѣнія отъ Адама Смита.

Что прежде всего удивляетъ насъ въ рѣчахъ Десницкаго, это безусловно отрицательное отношеніе къ отвлеченнымъ рационалистическимъ учениямъ, на которыхъ онъ былъ воспитанъ дома, въ академіи и въ университетѣ. Въ самый годъ своего вступленія на кафедру, 30 іюня 1768 года, онъ произнесъ рѣчь «О прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи». Это дѣлая законченная программа университетскаго преподаванія и научной разработки права. Обрисовывъ въ ней господствовавшія въ то время теоріи «правовучительной философіи» и «натуральной юриспруденціи», Десницкй смѣется надъ тѣмъ самымъ подраздѣленіемъ совѣсти, какое Дильтей предлагалъ въ числѣ темъ для студенческихъ диспутовъ¹⁾: «Совѣсть есть или предидущая или послѣдующая, или достовѣрная, или вѣроятная, или правая, или ложная, или сомнительная, или, напослѣдокъ, безчувственная». Въ такомъ лабиринтѣ, замѣчаетъ Десницкй, они ищутъ общаго всемъ натуральнымъ правамъ начала. Теряютъ время трудящіяся въ такихъ отъ чувствъ человѣческихъ удаленныхъ изобрѣтеніяхъ».

«Какая изъ того польза, что иной выводитъ начало всѣхъ

нихъ сему вещей, самъ отравляетъ, то онъ едва бы въ состояніи былъ сдѣлать въ годъ одинъ часъ, а въ день одну миуту.»

¹⁾ Канустикъ, Біографія Дильтея въ Біогр. словарѣ профессоровъ Московскаго университета, Т. I, стр. 303.

натуральныхъ правъ, поставяя опытъ честности съ полезностью, или выходя оное и отъ того, что вслѣдъ чего себѣ не желать, того и другому дѣлать не долженъ. Ибо тѣмъ правъ и законовъ изъяснить не можно. Суть и другія реверсіи юрисъ натуре, которыя измыслили болѣе для меридіана иѣмецкаго, нежели къ дѣлу въ судахъ. Сей родъ ученыхъ, чѣмъ недостаточнѣйшій въ своемъ знаніи, тѣмъ тщеславнѣйшій въ своихъ изобрѣтеніяхъ, and like empty vessels, makes the greatest noise, свѣтъ еще ничего не видятъ, а онъ уже и въ газетахъ гремѣть, что имъ сыскана quadratura circuli. Въ слѣдующую почту, можетъ статься, и его жъ perpetuum mobile выйдетъ.» Особенно достается приэтомъ Пуффендорфу, сочиненія котораго до самаго конца XVIII вѣка служили у насъ и въ духовныхъ академіяхъ, и въ университетахъ, руководствомъ для многихъ преподавателей¹⁾. «Пуффендорфовъ трудъ, говорилъ Десницкй, подинно былъ излишній, ибо писать о вымышленныхъ состояніяхъ рода человѣческаго, не показывая, каковымъ образомъ собственность, владѣніе, наслѣдство и пр. у народовъ происходитъ и ограничивается, есть такое дѣло, которое не совсѣмъ соответствуетъ своему намѣренію и концу.»

Нельзя видѣть въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ Пуффендорфу лишь выраженіе крайней англоманіи. Правда, онъ укоряетъ «иѣмцевъ ученыхъ въ Россіи, которые одной геттингенской университетъ забраломъ всей прехудости доказываютъ». Правда, Англія и англичане вызываютъ съ его стороны самые восторженные отзывы. «Вольность и собственность, говорятъ онъ, написанна на лицѣ почти у всякаго британца, какъ природныя права, изъють законамъ предписанный предѣлъ, за который вредная надгость и своевольство прейти не могутъ. Судьи при всѣй своей верховной власти не смѣютъ и не могутъ въ законѣ беззаконствовать. Привести правосудіе въ такое совершенство, чтобы судителю

¹⁾ Въ инструкціи 1793 г. въ академіяхъ предписывалось преподавать его *lecturę De officio hominis et civis. Puffendorf, l. 1, c., стр. 129.* Въ московскомъ университетѣ послѣ смерти Шадева въ 1792 г. проф. Саладанъ, собственно говоря, преподавалъ естественное право также по Пуффендорфу.

закона и дѣлать связь возможности не было къ злоупотре-
бленію законом, есть такая премудрость правленія, которое
кромѣ великобританскаго никакой еще другой или древнѣй-
шій изъ нынѣшнихъ народовъ праведно похвалиться не можетъ*.
И „такое цѣлѣющее состояніе ниже какимъ-либо даромъ
или по особливому благодѣянію природы Британіи настѣ-
дила, но все ея толикая превосходства приобрѣтены величай-
шими трудами. Много догу и крови народныя пролито въ семь
толь лестномъ приобрѣтеніи“¹⁾.

Но не все и англійское встрѣчало со стороны Десницкаго безусловное одобреніе. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ Блек-
стону онъ не разъ полемизируетъ съ нимъ. Прежде всего по
поводу возрѣшій Блекетона на естественное право. „Г. Блек-
стонъ въ семь толкованій началъ, полагаемыхъ основаніемъ
закону естественному, весьма невразумительнымъ показается
читателямъ. Г. Блекстонъ здѣсь держался системы доктора
Готтесона. Впрочемъ, какъ докторъ Готтесонъ, такъ и г. Блек-
стонъ оба заражены казуистическимъ законоученіемъ, когто
въ Англии родителемъ былъ господинъ Гоббсъ“. Несомнѣтель-
нымъ также считаетъ Десницкій и принятое Блекстономъ
дѣленіе законовъ на опредѣляющіе права и преступленія.
„Изъ сѣхъ безмѣрно обширныхъ раздѣленій выходитъ больше
мелькихъ²⁾ и затмѣвающихъ смыслъ раздѣленій. Лучшаго и
удобнѣйшаго раздѣленія законовъ нѣтъ того, которое Юсти-
ціанъ установилъ; по сему раздѣленію полагается троякій
предметъ законовъ, то есть: *персоны, вещи и обязательства*
съ принадлежащими къ нимъ послѣднимъ *человѣчскими*“³⁾.
Не укрылся отъ Десницкаго и чрезмѣрный злоупотребленіе
при производствѣ парламентскихъ выборовъ. Важнымъ не-
удобствомъ считаетъ онъ обиліе въ судебномъ англійскомъ
языкѣ „невразумительныхъ латинскихъ и французскихъ словъ“,
„отъ такихъ строгихъ формъ у насъ въ судахъ еще не пре-

терпѣвали затрудненій, когда въ Британіи все она столь
строга наблюдается, что и мужья у нихъ иногда прину-
дены просить секретаря: *скадай мнѣ habes corpus**.

Относясь критически къ господствовавшимъ въ Германіи
теоріямъ естественнаго права, самъ Десницкій считаетъ заче-
ней натуральной юриспруденціи „изысканіе причинъ, которая
дѣйствуютъ во всѣхъ государствахъ и суть основаніемъ всѣхъ
законовъ и правленій“. При этомъ считаетъ необходимымъ
держаться историческаго метода. „О произшествіи правленія
можно дѣлать нѣкоторыя наблюденія о причинахъ и нату-
ральномъ произшествіи власти и старшинства у народовъ,
изысканія она *историческимъ описаніемъ*, взытымъ отъ перво-
начальныхъ народовъ, о которыхъ мы ясное повѣіе имѣ-
емъ; послѣ сего показывать должно здѣсь правленія нату-
ральныя, какія случаются у народовъ, живущихъ сперва
одною долавою звѣрей, потомъ хлѣбопашествомъ и на-
копецъ купечествомъ“. Точно такъ же „права сколько недо-
статочны бывають у непросвѣщенныхъ народовъ и сколько
они ограничены и въ совершенство приведены у нынѣш-
нихъ, сіе *историческимъ доказательствомъ* должно простран-
но изъяснять“.

Всю натуральную юриспруденцію Десницкій дѣлитъ на
четыре части. Часть первая— „о произшествіи правленій въ
разные вѣка и у разныхъ народовъ“; вторая— „о правахъ,
происходящихъ въ обществѣ отъ различнаго состоянія и знанія
людей“. Здѣсь онъ считалъ между прочимъ необходимымъ
показать „историческимъ, метафизическимъ и политическимъ
порядкомъ введеніе въ государствахъ порабощенія и закри-
ленія народовъ, какое бываетъ порабощенія дѣйствию, въ раз-
сужденіи цѣлаго отечества, какимъ образомъ и для какихъ
причинъ въ иныхъ государствахъ оное уничтожено, а въ
другихъ заковлено; третья часть должна быть посвящена
„правамъ, происходящимъ отъ различныхъ и взаимныхъ дѣлъ,
между обывателями“ и наконецъ четвертая— „поліціи“. По-
лицію Десницкій понималъ очень широко. Она обнимаетъ у
него и финансы, и международныя отношенія и организцію
войска, при чемъ особо указывается на необходимость „раз-

¹⁾ Послѣдніе въ переводу Наставника земледѣльческаго.

²⁾ Истолкованія англійскихъ законовъ. Т. I стр. 97, 100.

³⁾ Тамъ же, стр. 310.

судить сколь опасных слѣдствій произведеніемъ бывають находящесе внутри государства чрезмѣрно великое войско».

Эта программа очень любопытна. Въ ней вовсе нѣтъ мѣста ученымъ ни объ естественномъ состояніи, ни объ общественномъ договорѣ. Въмѣсто отвѣченныхъ построений, требуется историческое объясненіе дѣйствительно существующаго. И Десницкій не ограничился одной только программой. Къ первой же своей рѣчи онъ присоединилъ, чтобы показать, «какимъ образомъ натуральную юриспруденцію преподавать должно», «Разсужденіе о произшествѣи преимущества, власти и старшинства въ народахъ, отъ которыхъ происходитъ ихъ правленіе», и затѣмъ въ отдѣльныхъ рѣчахъ представилъ опять объясненія происхожденія супружества и собственности.

Основой власти однихъ людей надъ другими Десницкій считаетъ: 1) «превосходство въ качествахъ тѣлесныхъ, какъ то: дебелость и крѣпость тѣла необыкновенная»; 2) «превосходство въ качествахъ душевныхъ, какъ то: хитрость, проворство, предвидѣніе, прозорливость» и 3) «превосходство въ богатствѣ и изобиліи всего». «Дебелость и крѣпкое тѣла сложеніе весьма надобно роду человѣческому въ непросѣщенномъ вѣкѣ, когда еще науки и художества мало извѣстны». «Когда же народы начинаютъ хотя мало возвышаться въ познаніи вещей, они вскорѣ опытомъ увѣрены бывають, что качества душевныя несравненно превосходятъ тѣлесныя и что премудрость, хитрость и прозорливость сравниться не могутъ съ одной скотской дебелостью». «Но что больше всего придаетъ человѣку чести, достоинства и преимущества, то есть превосходное богатство и изобиліе. Сіе столь вардливо изяснено благоразумнымъ сочинителемъ новой Правоучительной философіи господиномъ Смитомъ, что описанія больше не требуютъ. Къ такому человѣку люди въ подданство идутъ не только съ удивленія на его великолѣпіе, но больше еще для пользы и покровительства. Богатство въ концѣ концовъ Десницкій признаетъ главной основой власти во всѣхъ формахъ правленія: и у варварскихъ народовъ, и «въ нѣтънкихъ *народныхъ правленіяхъ*», гдѣ, «такожь посредствомъ превосходнаго богатства правящіяе удерживають свое

достоинство, величество и власть, соединенныя съ уваженіемъ и со всеподданнѣйшимъ повиновеніемъ». «Какіе точно народы и въ какихъ обстоятельствахъ явились отъ богатыхъ умножать ихъ достоинство, честь и преимущество надъ многими, сіе подробно показывается въ принадлежавшихъ къ себѣ части юриспруденціи расужденіяхъ, въ которыхъ изясняются три народнаго правленія перемены и состоянія, какія случаются у обывателей, когда они живутъ сперва одною только животныхъ, потомъ хлѣбопашествомъ и наконецъ купечествомъ». Къ сожалѣнію, до насъ не сохранилось лекцій Десницкаго по этому вопросу.

Болѣе обстоятельно изясняетъ Десницкій происхожденіе супружества, собственности и казней. Все это онъ считаетъ историческими явленіями, не исконы существующими, а возникшими во времени и во времени мѣняющимися въ зависимости отъ постепеннаго измѣненія условій общественного быта.

Такъ, по его мнѣнію, «мы не находимъ въ первоначальномъ состояніи народовъ никакого порядочнаго супружества и ниже имени оного. Схмѣшеніе у нихъ обоего пола невзбранное есть вмѣсто супружества». Первоначальная форма брака, въ формѣ многоженства, является съ возникновеніемъ скотоводства. Въ доказательство Десницкій ссылается между прочимъ на живущихъ въ Россіи татаръ и калмыковъ. Съ установленіемъ осыдлости и съ развитіемъ хлѣбопашества многоженство замѣняется единоженствомъ. Съ установленіемъ же «высочайшаго состоянія коммерческаго» «женскій полъ не только уравненъ мужскому, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и предпочтенъ оному». Въ доказательство Десницкій ссылается на петровскую табель о рангахъ, по которой дочери особы перваго ранга полагаются выше даже бригадиръ. «Только, воспоминаетъ онъ, въ просищеніи правопъ народныхъ споспѣшествовало правительству къ уравненію и превознесенію сего низверженнаго въ древности пола»!

Я уже говорилъ, что рѣчи Десницкаго не были простыя пересказомъ слышаннаго изъ въ аудиторіяхъ славянскаго университета. Въ нихъ ясно слышывается самостоятельная

работа въ усвоенномъ отъ Юма и Смита направлеши. Мы видимъ, что въ его рѣчахъ постоянно встрѣчаются доводы и примѣры, заимствованные прямо изъ русской жизни. Самостоятельная работа Десницкаго подтверждается и тѣмъ, что въ рѣчахъ его замѣтна все большая и большая обработка. Очевидно, и перуившись въ Москву, онъ продолжалъ работать. Последняя по времени рѣчь—„О разныхъ понятіяхъ, какія имѣютъ народы о собственности имѣній въ различныхъ состояніяхъ общезжителства“—есть вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшая рѣчь. И вѣрнее ея построение отличается наибольшою цѣлностью и послѣдовательностью, и содержаніе ея болѣе продумано.

Начинается она съ вынесенія общаго хода развитія человѣчества. Десницкій отвергаетъ мысль о томъ, чтобы человѣчество переживало, подобно отдѣльнымъ людямъ, послѣдовательные возрасты: отрочество, юность, мужество, престарѣлость. Постепенное развитіе человѣческаго общества онъ сводитъ къ послѣдовательнымъ измѣненіямъ его хозяйственнаго быта, различая, такимъ образомъ, четыре различныхъ состоянія: „состояніе народовъ, живущихъ ловлею звѣрей и питающихся плодами само поражающимися на землѣ; состояніе пастушеское; состояніе хлѣбо-пашественное и послѣднее состояніе коммерческое“.

Постепенное развитіе собственности опредѣляется, по мнѣнію Десницкаго, послѣдовательной смѣной этихъ четырехъ состояній.

Въ современномъ понятіи собственности заключается, по его опредѣленію, три элемента: „1) право употреблять свою вещь по произволенію; 2) право возмѣщать свою вещь отъ всякаго, завладѣвшаго оною несправедно, и 3) право отчуждать свою вещь, кому кто хочетъ при жизни и по смерти.“ Для выясненія постепеннаго развитія понятія собственности Десницкій и изслѣдуетъ, въ какой степени каждый изъ этихъ элементовъ признавался на различныхъ ступеняхъ общественнаго состоянія.

У народовъ, живущихъ ловлею звѣрей, „самое употребленіе вещей бываетъ, по большей части, нераздѣльное и общее всѣмъ. Ибо какъ они живутъ всѣ въ одной хижинѣ или

пещерѣ, то онихъ вещицы имѣютъ совокупное и нераздѣльное владѣніе и употребленіе, и какъ они ѣдятъ всѣ вмѣстѣ, то ихъ съѣстные припасы бываютъ всѣмъ общи, а по недостатку, даже и самая охота и ихъ также, какъ и у нашихъ крестьянъ, бываетъ носима и обща въ раздѣльномъ и нераздѣльномъ. И такъ, когда не имѣется въ вещахъ раздѣльнаго владѣнія: то имя и различіе того, что мое и мое весьма мало вразумительно“. „Еще меньше имѣютъ они понятія о правѣ измѣнять свою вещь отъ всякаго, завладѣвшаго ею по потерянн и похищенію; ибо сія вторая часть права собственности имѣ еще и какъ неразумительно бываетъ потому, что оно ожиданіе въ безпрятствію употребленію владѣнія вещи у такихъ народовъ весьма умалится и почти исчезаетъ, какъ скоро вещь и соединенное съ нею владѣніе теряется. Право собственности праживается у нихъ совсѣмъ нераздѣльное съ владѣніемъ.“ Право отчужденія въ этомъ состояніи также не признается „по той причинѣ, что у нихъ мало бываетъ и случаевъ къ отчужденію вещей въ такомъ бѣдственномъ и недостаточномъ состояніи, въ которомъ они, не имѣя никакихъ художествъ, не имѣютъ для продажи и обмѣну никакихъ вещей. Да хотя бы въ такомъ состояніи кто и отказался отчуждать свою вещь, по единствъ словеснымъ произволеніемъ онъ того сдѣлать не можетъ по той причинѣ, что въ такомъ же состояніи народы бываютъ весьма вѣроломны“. Въ пастушескомъ состояніи, хотя и изволяется у народовъ больше имущества, но и у нихъ оно остается въ общемъ владѣніи. Только съ развитіемъ хлѣбопашества и установленіемъ осѣдлаго образа жизни, образуется частная собственность и Десницкій считаетъ ея основой трудъ. „Когда человѣкъ приложитъ довольно трудовъ къ обработыванію осѣдлой части земли: тогда лишитъ его оная покажется всякому дѣломъ безчеловѣчнымъ и несправдливъ, вслѣдствіе чего онъ будетъ всякому представляться имѣющимъ болѣе, нежели другой кто, право ко снятію и употребленію плодовъ, которые онъ посѣялъ на ней.—И чѣмъ долѣе кто обработывать одну и ту же самую часть земли, тѣмъ болѣее отчужа къ ней чувствовалъ пристрастіе и ожиданіе въ безпрятствію онаа вла-

дѣий и употребленіе вѣрѣ. Въ продолженіе такого прилагасяго каждому обывателю къ своей землѣ обрабатыванія напослѣдок всякой хозяйствѣ получать и всегдашнее право къ употребленію занята имъ земли*.

Въ своемъ „Словѣ о причинахъ казни по дѣламъ криминальнымъ“ 1770 года Десницкій сводилъ карательную власть государства къ двумъ основаніямъ: къ „мстительной склонности людей“ и къ необходимости поддержать казнями порядокъ и спокойствіе въ обществѣ. Между наказаніями, проистекающими изъ того и другого основанія, Десницкій усматриваетъ существенное различіе. „Разность наказуемыхъ людей смертью для цѣлости, крѣпости и пользы отечества, и наказуемыхъ оцую жъ единственно для удовлетворенія мстительной склонности всякаго человѣка, состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ такая казнь не всегда совершается съ общимъ внутреннимъ благоволеніемъ народа; въ другомъ всегда съ благоволеніемъ всякаго.— Непристрастные зрители и свидѣтели единодушно все благоволятъ о такомъ его мщеніи.— И есть ли вздѣ въ разсужденіе человѣка истязуемаго смертію за то только, что онъ отъ несправедливости разсужденія и неосторожности выговорилъ что либо противное закону; и другаго напротивъ такому, ежели представить убійцу множества невинныхъ и налага разбойника, истязуемаго смертію жъ: въ первомъ случаѣ народъ внутренно будетъ сожалѣть и проситъ самого Бога, противъ котораго закона виновный погрѣшилъ, чтобы онъ какимъ нибудь образомъ избавился отъ наказанія и не былъ бы живой сожженъ, и верховная власть весьма благоугодно во многихъ государствахъ къ такимъ несчастливцамъ дѣлаетъ милости и богоугоднѣйшее списхожденіе. Въ другомъ напротивъ сему случаѣ, когда смертоубійца убѣжить, все бѣгутъ въ погоню за нимъ, и когда умереть прежде повесенія казни все слышащія и вѣдущія про то думаютъ, что такого Бога за человѣка невиннаго и въ будущемъ накажетъ житіемъ“.

Относительно самыхъ карательныхъ мѣръ Десницкій указываетъ, что онѣ не должны быть чрезмѣрно суровы. „Такія по дѣламъ достойныя казни согласны вѣдчески съ удовлетвореніемъ обидимыхъ, съ общимъ благоволеніемъ постороннихъ зрителей,

и имѣютъ свой дѣйствительный успѣхъ въ пресѣченіи злодѣяствъ, ежели только они бываютъ умеренны по дѣламъ, учинены безъ изытанія всякому и не выходятъ за предѣлы челоуѣчества. Сіе нынѣ правительствующимъ должно наблюдать, чтобы учиненныя казни не выходили за предѣлы челоуѣчества; въ противномъ случаѣ непристрастные и посторонніе зрители не будутъ благоволятъ и, приведши въ сожалѣніе объ виновномъ, негодовать стануть на самихъ судей, чрезъ что чинимыя казни теряютъ свой успѣхъ. Разрушать на части и рвать живаго по кускамъ, вѣса по улицамъ, есть дѣло, котораго челоуѣчество, сколько бы ни было раздраженное на виноватаго, не можетъ терпѣть, и говорить, что однажды при такой казни въ Парижѣ всею люди разбѣжались и не могли смотрѣть оную.“ Въ видѣ примѣра Десницкій приводитъ затѣмъ выписку изъ рукописной жизни Петра I о томъ безчестіи, какому былъ подвергнутъ трупъ „московскаго Кривоула Милославскаго.“

Слѣдуетъ ли видѣть въ этихъ сужденіяхъ Десницкаго о томъ, каковы должны быть наказанія, казіе его современника—Беккарія? 1) Десницкій нигдѣ не ссылается на Беккарія. Но знакомство его съ Беккарія возможно. Англійскій переводъ книги Беккарія вышелъ уже въ 1767 году, да Десницкій зналъ и французскій языкъ, такъ что могъ воспользоваться и переводомъ Мореллета. Однако, съ другой стороны, сужденія Десницкаго не представляютъ понагаа совпаденія съ тѣмъ, что было высказано Беккарія.

Такъ, соображенія, выставлемыя имъ противъ излишней жестокости наказаній не одни и тѣ же. Беккарія указывать на то, что самая суровость наказанія вселяетъ въ людей больше смѣлости; что люди сами ожесточаются и чрезъ сто лѣтъ также будутъ болѣть колеса, какъ прежде тюремъ; что дѣлается невозможной соразмѣрность наказанія съ виной и, наконецъ, что чрезмѣрная жестокость приводитъ къ безказанности. Десницкій же выдвигаетъ совершенно иное соображеніе: чрезмѣрная

1) Беккарія и Десницкій вступили въ разговоръ въ январѣ и въ томъ же 1768 году.

жестокость вызывать сожалѣніе къ виновному и методичность противъ власти.

Въ опредѣленіи круга подлежащихъ карательной репрессіи дѣяній Десницкій основывается на различіи истины (т. е. справедливости, *justitia*) исполнительной и воздающей (*expiatrix et attritrix*) „Исполнительная истина велитъ дѣлать все то, что только по строгости правъ требуется быть можетъ отъ цѣлаго свѣта. Напротивъ ей, истина воздающая требуетъ только того, что всякому по людскости и человечеству должно отдавать. Ея главное правило есть: аще хочете, да творитъ вамъ человекъ и вы также имъ творите“. Наказанію должно подлежать собственно только нарушеніе исполнительной истины. Хотя Десницкій и признаетъ, что „во многихъ государствахъ“ „государь приказуетъ исполнять, что въ самомъ дѣлѣ можетъ только по истинѣ воздающей быть требовано“, но оговаривается при этомъ, что „въ такихъ законоположеніяхъ премудрость велитъ весьма законоучисно поступать дабы въ противномъ случаѣ и ихъ воздающая истина не была налогомъ въ тяжесть народу, и принужденіе людей насильное къ добродѣтельнымъ взаимнымъ обязанностямъ бываетъ произведеніемъ великихъ неурядковъ и худшихъ слѣдствій. Такія законоположенія истины воздающей больше должны приравливаемы быть къ сердцамъ человеческимъ, а не сердца къ нимъ. Общество безъ такихъ принужденій, хотя бы и совсѣмъ между обывателями его не было взаимной любви и дружескихъ поступковъ, можетъ есть ли не столь щастливо, по крайней мѣрѣ спокойно устоять, и люди въ ономъ на подобіе шарлатановъ и торговцовъ, еще могутъ единственно изъ одного интереса жить“.

Кромѣ всѣхъ этихъ общихъ вопросовъ „натуральной юриспруденціи“, Десницкій останавливался въ своихъ рѣчахъ и на выясненіи условій и цѣли преподаванія римскаго и русскаго права.

Значеніе римскаго права онъ видѣтъ въ томъ, что оно представляеть собою „образцовую систему права“ и даетъ намъ понятіе „о полной и благоразумно расположенной системѣ законоположеній“. „Для такого нахренія нѣтъ въ

свѣтѣ лучшихъ законовъ кромя Римскихъ, ибо ни одинъ еще народъ въ Европѣ своихъ законоположеній не имѣлъ и столь не скоро до своего совершенства дошелъ, какъ Римляне, которыхъ ученіе столь преимущественно было, что намъ изъ ихъ законовъ можно имѣть самую систему, по которой они восходятъ до своего началства“.

Такимъ образомъ, въ Римскихъ правѣхъ кромя ясноты системы Десницкій цѣнитъ также несомнѣтельную степень его развитія, дающаго возможность на изученіи римскаго права наглядно показать послѣдовательными ступенями историческаго развитія юридическихъ понятій и институтовъ.

Сохранились два образца того, какъ укрѣпляетъ Десницкій объяснять своимъ слушателямъ институты римскаго права въ историко-сравнительномъ освѣщеніи. Это — два разсужденія: одно о родительской власти, которую у римлянъ имѣли отецъ надъ своими дѣтьми и которая приравнивается къ у нѣкихъ народовъ, когда въ невѣжественныхъ и варварскихъ состояніяхъ находится*, въ 1768 г.; другое — „о вещахъ, священныхъ и частныхъ въ благочестіе, съ показаніемъ правъ, каковыя оныя у разныхъ народовъ защищаются“, 1772 года.

Доказательству необходимости научнаго, систематическаго изученія русскаго права Десницкій посвятилъ особое „Разсужденіе о пользѣ знанія отечественнаго законоучества, 1778 года“. Въ немъ подробно доказывается польза научной юридической подготовки для дворянъ и разночинцевъ, для секретарей и судей, уѣздныхъ зашдателей и самихъ депутатовъ уложенной комиссіи или участниковъ законоположенія, какъ онъ ихъ называетъ. „Сколь стыдно казаться члену законоположенія давать свой голосъ на новой законъ, когда онъ вовсе не знаетъ и не разумѣетъ старата“!

Десницкій требуетъ для юриста прежде всего общаго образованія: „ибо науки имѣютъ между собою весьма тѣсный союзъ и процвѣтаютъ наилучше въ сосѣдствѣ взаимномъ; и нѣтъ такого ученія, которое бы не было совершенно исполнимо съ помощіемъ заимлемымъ отъ другихъ учений“.

Поэтому онъ требуетъ отъ юриста изученія грамматики, риторики, логики, математики, физики, естественнаго права и

права римскаго. „Тогда онъ только приуготовленный вступить можетъ въ ученіе закона Отечественнаго съ несказанными выгодами и успѣхомъ; въ которомъ ученіи есть ли пробудеть годъ или два и приобращаетъ твердое и систематическое основаніе сея науки, тогда онъ приступить можетъ съ превеликою удобностію къ практикѣ, въ которой и самъ онопѣ найдетъ и откроетъ другимъ такія тонкости, каковыя многіе и видѣть не могутъ“.

Университетское преподаваніе русскаго права Десницкій находилъ необходимымъ раздѣлить между двумя кафедрами: теоретической и практической. Къ теоретической кафедрѣ онъ относилъ, кромѣ систематическаго изложенія догмы, исторію права и юридическія древности. Профессоръ же практическаго законовѣдѣнія долженъ бы былъ вести практическія занятія по разбору рѣшенныхъ тяжбныхъ дѣлъ, такъ чтобы студенты проходили послѣдовательно различныя должности: повѣнчиковъ, секретарей, судей.

Неизвѣстно, вѣлъ ли самъ Десницкій подобныя практическія занятія. Но по его мысли въ Москвѣ дѣйствительно была устроена кафедра практическаго законоискусства, которую послѣдовательно занимали ученики Десницкаго: Горюшкинъ (1748—1821), авторъ четырехтомнаго „Россійскаго законоискусства“, самоучка, слушавшій однако лекціи Десницкаго, и Сандуновъ (ум. 1832), студентъ московскаго университета, извѣстный также какъ драматической писатель и переводчикъ Разбойниковъ Шиллера. И Горюшкинъ, и Сандуновъ вполне слѣдовали тому плану практическихъ занятій, какой былъ намѣченъ Десницкимъ.

Систематическій курсъ русскаго права Десницкій читалъ, и судя по сохранившимся его рѣчамъ, можно съ увѣренностію сказать, что съ его кафедры раздавалось дѣйствительно живое слово, озарявшее тогдашній хаосъ нашего законодательства яркимъ свѣтомъ высшихъ началъ. Относясь съ сомнѣніемъ къ „удаленнымъ отъ чувствъ человѣческихъ изобрѣтеніямъ“, Десницкій умѣлъ, однако, цѣнить тѣ общія начала, въ которыхъ слышалась ему жизненная правда.

Черезъ педѣлю исполнится тридцатилѣтіе Судебныхъ Уста-

вовъ, внесенныхъ въ нашу жизнь столько новыми, плодотворныхъ началъ. И объ одномъ изъ этихъ началъ заговорилъ у насъ первый именно Десницкій. Онъ первый указалъ на воспитательное значеніе гласнаго судопроизводства: „Да ничто въ тайнѣ, по откровенно и постороннимъ извѣстно судимо было и исходило въ свѣтъ для наученія народнаго!“¹⁾

Такъ, уже первый представитель русской юридической школы былъ проповѣдникомъ идеаловъ жизненной правды и свѣта гласности!

¹⁾ О необходимости гласнаго судопроизводства также говорилъ и Беккариа, но и тутъ у него доводи не тѣ, что у Десницкаго. Беккариа вѣкъ въ гласности средство не воспитанія народа въ духѣ законности, а сдержки и контроля судобной власти.